Конкурсная подборка 363. "Где-то филин ухал,.. табор уходил"

Автор: Оргкомитет
21.04.2021 13:00

Имя автора конкурсной подборки будет оглашено в Итоговом протоколе Международного литературного конкурса "10-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2021" 6 июня 2021 года в 23:59 по Москве.

Где-то за дальней далью, за хмарной хмарью...

Где-то за дальней далью, за хмарной хмарью,
Там, где Сон-камень лижет Покой-трава,
Где из земли отчётливо тянет гарью,
Старый лешак Трофимыч качал права.

Был у него в закýте мешок с махоркой.
Бабка его, кикимора, всё нашла,
Ну и давай страдальца пехотить в горку,
Ей только повод дай, — и пошла, пошла.

— Что ты ко мне прилипла, ядрёна воша!
Жалишь и в язву сердца втираешь соль.
Эту махру я сыплю себе в калоши,

Чтоб не пекло расквашенную мозоль.

Лучше с таким усердством молись за сына.
Молвят, что бабий плач летит до небес.
Глядь, и печаль с сердечка его отхлынет,
И перестанет душу копытить бес.

Бабка притихла разом, как будто сдулась.
Тихо в избе, лишь в печке трещат дрова.
И домовой, опёршись на спинку стула,
Глухо и хмуро на пол ронял слова...

— Ладно, старуха, что нам с тобой браниться,
Бога смешить, да пыль поднимать зазря,
Лучше плесни в лоханку настой с живицей,
Выплюнь и утопи в ней нетопыря.

Утром наладил баню, отпарил бабку.
Дышит уже на ладан, а всё скрипит.
На-ко отведай корня вороньей лапки,
Мигом всю желчу в нутре твоём усмирит...

— Ты бы, Лексей, сходил на Оленью балку.
Там уж, поди, медведко тебя заждал.
Тёплых оладьев с мёдом снесёшь, — не жалко.
Скажешь, мол, занемог, мол, недуг пристал.

Дескать, насела бабка, — сиди, мол, дома,
Грей свои кости старые на печи.
А оклемался, токмо прошла истома,
Так и пошёл, дружочек, тебя почтить…

Так и кружляли, наперевес с сумою.
Так и кормили всяку лесную чудь.
Ежели пискнет мышь, али волк завоет, —
Тут же в сусеки, — сыщем чего-нибудь...

Третьего дня деревня справляла пасху.
Поп заполошным альтом читал псалтырь.
С пьяным задором рьяно молилась паства.
Где-то в тиши погоста бродил упырь...

Выскоблен дом до блеска, кулич томится.
Праздником пахнет, звонко щебечет высь.
Тень протоптала тропки морщин на лицах.
Ждали сегодня сына... Не дождались...

Так и сидели всё утро, весь день, и вечер,
Плавя тоскою милый его портрет.
Змейкой ползла печаль по вискам на плечи,
Жалась к груди, под сердцем тушила свет...

— Да баламошные-от, — что дед, что бабка!
Всякую тварь звериную к ним влечёт.
Носит им, старый, в лес пироги охапкой,
Кажет Христа икону, мол, наш-то вот…

Только не дал им Бог ни сынка, ни дочки.
А по земле молва-золова неслась,
Будто во лбу их зреют дурман-цветочки,
Те, что мозги сплетают в дурную вязь.

— Сыном Христа считают, — совсем сдурели!
Видно за то их Бог и лишил ума.
Так-то они не злобные. Что имеют, —
Всё отдадут, была б не пуста сума.

Так каждый год, — на Пасху и на Крещенье
Чудится им, — приедет сынок домой.
Чудится-мнится, — скрипнет порог под дверью,
— Что, мои ро́дные, примете ль на постой?..

Жили они, любя. Без замков и ставен.
Верили в Бога, в чёрта, в дела, в слова.
Если, случись, придавит Кручина-камень,
Так на него найдется Терпень-трава.

Филин, филин...

Филин, филин, что ты пялишь
На меня буланый глаз?
Не того ты прожигаешь.
Не точить с тобою ляс

Я наведался в чащобу.
Просто душенька моя
Пропадает от хворобы
И любовного огня.

Ты скажи мне, мудрый филин,
Отчего мне душно так,
И душа в дегтярном мыле
От сердечных передряг?

Не молчи, хотя бы ухни.
Я и так тебя пойму.
Филин, филин, сердце жухнет
В ишемическом дыму.

Что глядишь ты, не мигая,
Словно полная луна?
Даже ёлки предлагают
Выпить хвойного вина.

Даже белые берёзы
Тянут тонкие персты.
Гладят жёсткую щетину
Кудряшами бересты.

Муравей заполз за ворот
И щекочет наготу.
Чует, знать, что я распорот
И расколот, за версту.

Ты ответь мне, филин древний,
Отчего мои крыла
Распластались на деревьях
И обуглились дотла?

А табор молча в небо уходил...

В стране Карпат, у горного ручья
Он встретил кареглазую цыганку.
Она была, как мятная приманка
Для жаждущего сладости шмеля.

Она смеялась звонче соловья,
Что в зелени дубрав тех пел веками.
Он был пленён и слизан языками
Святого благодатного огня.

Она смотрела на него в упор,
Грудь стягивая тесными ремнями,
И там, где сердце плавит кровь мехами,
Вулкан рвал недра подреберных гор.

— Иди за мной, — промолвила она.
И он пошёл, противиться не в силах.
Был смел, как лев, но с ней робел, как псина,
Испившая страдание до дна.

Автор: Оргкомитет
21.04.2021 13:00

На полпути им встретился олень,
Что явно знал её прикосновенья.
Не выказав и толики смущенья,
Он стал жевать из рук её сирень.

Открылось поле, где алел шатёр.
В шатре сидел барон золотозубый.
Он был седой, пузатый, толстогубый,
И взгляд его был цепок и хитёр.

— Луминица, зачем ты привела
В наш добрый табор этого румына?!
Заступница, святая Катаржина,
Как вразумить мне эту дочь осла?!

— Отец! Люблю. Люблю, люблю его!
Останусь с ним пасти овец отары.
И пусть меня постигнет божья кара,
Но нет милее больше никого.

Барон вскочил, блеснул цыганский нож.
Блеснули солнцем зубы золотые.
И две души, блистательно младые,
Освободились от атласных кож...

А табор молча в небо уходил
(Не ведома мне глубь души цыганской,
Что глубже даже бездны Марианской),
И соловей романс печальный лил.

Автор: Оргкомитет
21.04.2021 13:00

